

МИХАИЛ

ПОГРЕБИНСКИЙ

УКРАИНА

В ОЖИДАНИИ
НЕИЗБЕЖНОГО

Михаил Погребинский

Украина. В ожидании неизбежного

«Алгоритм»

2016

УДК 355/359
ББК 63.3

Погребинский М. Б.

Украина. В ожидании неизбежного / М. Б. Погребинский —
«Алгоритм», 2016

ISBN 978-5-906842-85-5

Михаил Борисович Погребинский – один из самых известных украинских политологов, директор Киевского центра политических исследований и конфликтологии. В разное время он был советником премьер-министра Украины Валерия Пустовойтенко и главы Администрации президента Украины Виктора Медведчука. В своей новой книге Михаил Погребинский критически оценивает современную ситуацию на Украине. Экономическое и политическое положение в стране стремительно ухудшается, и Киев не имеет реальных планов по оздоровлению обстановки. Между тем, Путин уже перехватил инициативу у Порошенко: сейчас Россия ведет удачную, непредсказуемую для оппонентов внешнюю политику, чему примером служит участие РФ в сирийском конфликте. Под влиянием «путинского наступления» Европа, уже уставшая от Киева, сделала для себя определенные выводы, трагические для нынешней украинской власти. «В целом, хотя, говорят, что всегда может быть хуже, но мы приближаемся к той точке, когда хуже быть уже не может», – пишет М. Погребинский.

УДК 355/359

ББК 63.3

ISBN 978-5-906842-85-5

© Погребинский М. Б., 2016

© Алгоритм, 2016

Содержание

Предисловие от автора	6
Киевский Майдан	8
Украинская повестка дня – 2014	9
Без России уладить этот конфликт невозможно	13
Киевский Майдан	15
Поиски компромисса	20
Как найти компромисс	21
И референдум, и центральная власть – не легальны	22
Как остановить войну в Донбассе	23
Об украинском кризисе	24
Украину ожидают революционные перемены	27
Мир еще возможен	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Михаил Погребинский

Украина: в ожидании неизбежного

Предисловие от автора

На протяжении всего своего «недосиженного» президентского срока Янукович пытался сблизиться с Европой. В частности, он был сторонником пресловутого «Восточного партнерства», и намеревался в ноябре 2013 года подписать соглашение об ассоциации с ЕС.

Однако в последний момент он передумал. То ли ему доказали с цифрами, что такое соглашение окажется катастрофой для Украины (версия евроскептиков, к которым я и принадлежу), то ли ему показались более соблазнительными предложения В. Путина – суть в том, что за 2 недели до предполагавшегося подписания он устами своего премьер-министра Н. Азарова объявил, что подписание откладывается.

Начались протесты студентов и другой молодежи. Они не были особенно многочисленными. Однако в ночь на 30.11.2013 несколько сот молодых людей, все еще остававшихся на Майдане Незалежности, были разогнаны милицией на том основании, что надо-де устанавливать елку к Новому Году. Опять-таки мы здесь ограничиваемся канвой событий, и поэтому не говорим о том, была ли это сознательная провокация против Януковича, или его собственный приказ, или еще что-то. Во всяком случае, после этого начались уже не только массовые протесты и демонстрации, но и захваты зданий в Киеве.

Власть оказалась достаточно пассивной, а «активисты» от захвата зданий перешли к факельным шествиям и низвержению памятников (прежде всего памятника Ленину в центре Киева).

Попытки власти разогнать митингующих и боевиков были половинчатыми, то есть наилучшими: достаточными, чтобы вызвать возмущение, но недостаточными, чтобы пресечь бесчинства.

В итоге под давлением западных представителей Янукович подписал соглашение, суть которого состояла в том, что он номинально остается президентом до конца года, но фактически власть передается какому-то «правительству согласия», где, очевидно, представители оппозиции играли бы первую скрипку, но, формально, регионы Юго-Востока тоже были бы представлены. Однако Майдан никакого, даже, условного, компромисса не принял, силовики покинули правительственный квартал и власть в стране перешла под контроль лидеров Майдана. Янукович покинул Киев – сначала выехал в Харьков, а затем через Крым бежал в Россию.

Власть в стране вначале перешла к парламенту (в это время Янукович был еще в Харькове), а во главе временного режима встал избранный на пост спикера А. Турчинов взамен ушедшего в отставку Рыбака. В мае прошли президентские выборы, на которых уже в первом туре президентом был избран Петр Порошенко.

Но еще до этого начались кровавые события. В ряде городов Юга и Востока Украины граждане начали, по примеру Киева и Львова, захватывать здания, проводить свои «антимайданы» и т. д. Подавление этих протестов вылилось в такие эксцессы, как, например, сожжение Дома профсоюзов в Одессе, где вместе с домом сгорело более 40 человек, а также война в Донбассе.

Порошенко, придя к власти, продолжил эту войну. Видимо, он рассчитывал на быструю победу. Вместе этого война перешла в длительную фазу, продолжающуюся уже более полутора лет, и на момент написания этого текста перспектив урегулирования конфликта не видно.

Минские соглашения («Минск-1» в сентябре 2014 и «Минск-2» в феврале 2014) позволили существенно снизить интенсивность боев и число жертв, но по существу, войну не оста-

новили, никаких вопросов не решили. В таком «подвешенном» состоянии Украина остается и по сей день.

Между тем внутреннее положение страны – как экономическое, так и политическое – только ухудшается. Результатом парламентских выборов конца 2014 года стало исключение из политической жизни оппонентов режима (Компартию, Партию регионов), но к консолидации не привели.

Такова, в самом кратком виде, история последних двух лет Украины. Более подробно читатель ознакомится с событиями из моих статей и выступлений.

Киевский Майдан

Конфликт на Украине, начавшийся в конце ноября 2013 года, три месяца шел по нарастающей. Закончилось все это, как известно, 22 февраля 2014 года большой кровью и бегством В. Януковича из страны.

На протяжении всего этого времени мои выступления были в основном посвящены вопросу о том, как можно было бы достичь компромисса. К большому нашему несчастью, ничего из этого не вышло, и сейчас рассуждения о том, каков мог быть компромисс до 22 февраля, носят, так сказать, «исторический» характер – в том смысле, что они могут быть интересны только историкам. С сожалением могу сказать, что мои прогнозы тут были излишне оптимистичны.

Все же, как некое введение, я привожу два материала. Во-первых, выдержки из телемарафона 14.01.2014 (Время, когда, казалось, что Майдан выдыхается, что он обречен на поражение), в котором я принимал участие, а во-вторых – беседа, состоявшаяся накануне переворота.

Кроме того, здесь же первое, «по горячим следам», подведение итогов – в моем интервью испанской газете.

Украинская повестка дня – 2014 (из онлайн-марафона «Украинская повестка дня – 2014», 14.01.14)

Ведущий: Мы продолжаем цикл марафонов, посвященных обсуждению самых важных тем развития Украины и окружающего нас мира, и сегодня мы начинаем говорить о повестке дня Украины на 2014 год. Сегодня многие будут отмечать Старый Новый год, а мы решили отмечать его в рабочем режиме. С политологами Михаилом Погребинским и Костем Бондаренко мы будем говорить о том, какие самые актуальные, самые важные политические проблемы 2014 года они ожидают. Давайте начнем с достаточно простого вопроса – что будет самое главное в наступившем году?

Погребинский: Я думаю, что самое главное – это завершение «майданной» истории, чем это завершится. Конечно, чрезвычайно важно, удастся ли выкрутить из сложного финансового положения благодаря кредитам и активному сотрудничеству с Россией по разным кооперационным проектам, но тут более-менее все прогнозируемо, если удастся стабилизировать ситуацию в стране, но главное – в центре, в Киеве. И как это закончится – это самое главное, на мой взгляд.

Бондаренко: Я, наверно, не буду оригинальным, если скажу, что в 2014 году стартовала и будет развиваться избирательная президентская кампания, и практически все события 2014 года будут тестироваться сквозь призму того, насколько они будут влиять и смогут сыграть свою роль в ходе кампании 2014 года. (...)

Ведущий: Хотел бы сразу уточнить. Александр Бригинец, депутат от фракции «Батькивщина», зарегистрировал на прошлой неделе инициативу по поводу проведения выборов президента 30 марта 2014 года. Насколько, на ваш взгляд, это реальный сценарий?

Погребинский: На мой взгляд, это все в русле фейковых новостей, как молодежь любит называть. Но даже такому интеллектуалу, как Бригинец должно быть ясно, что это нереалистично, но надо как-то активность проявлять, надо заявлять свою позицию, надо показать себя большим революционером, чем другие, – вот такая активность человека, который когда-то получил награду за стихи на русском языке, а теперь в русскоязычном пространстве не может находиться даже 5 минут, сразу убегает с протестами. Вот это – типичный герой нашего Майдана.

Бондаренко: Бригинец – чудесный писатель, но в данном случае я думаю, что инициатива Бригинца вряд ли найдет понимание и поддержку в сессионном зале.

Ведущий: Удастся ли в этом году перевести страну через Майдан, и если да, то каким образом?

Погребинский: Я думаю, что Майдан как значимое общественное явление в сегодняшнем его состоянии себя полностью исчерпал. Это понимают в том числе и активисты Майдана, но это не означает, что страна уже вышла из тупика. Я считаю, что оппозиция полностью себя дискредитировала, актив Майдана показал неспособность выдвинуть какие-то идеи, какую-то конструктивную программу обществу предложить.

Но и власть ничего не сделала, она заняла выжидательную позицию: посмотреть, до какой степени можно «опустить» институты власти, пребывание захватчиков, правых экстремистов в зданиях городской администрации. Мне кажется, что инструменты самодискредитации включены, и до тех пор, пока власть себя не покажет, как сила, способная контролировать ситуацию, мы останемся в ситуации неопределенности: чем это все закончится, никто не понимает. Но то, что Майдан не способен предложить какую-то замену действующей власти, это совершенно очевидно, мне кажется, и для самих майдановцев.

Ведущий: А как власть должна показать себя? Она должна силой разогнать Майдан?

Погребинский: В моем представлении, в отличие от Вашего, разогнать силой – это не является заведомо негативным знаком власти, потому что власть – это единственный институт в государстве, который имеет право применять силу, в отличие от всех остальных, потому что когда все остальные применяют силу, то они нарушают закон. Власть имеет монопольное право на применение силы. Если ребята захватили здание мэрии, удерживают это помещение, независимо от того, нравится это американскому послу, европейским политикам и т. д., или нет, – они нарушают закон, и власть вправе применить силу.

Другое дело, что силу надо применять с умом. Я вообще не понимаю, зачем власти входить в прямой контакт с протестующими, допускать прямые столкновения с «беркутовцами», чтобы они открывали лицо и т. д. Мне кажется, что есть масса инструментов, которые помогают на дистанции менять эту ситуацию. Зачем вам все эти инструменты, если вы ими не пользуетесь? Поэтому я за применение силы, но такой силы, которая бы не разбивала головы людям, а просто бы вынуждала их уйти и выполнить закон. Вот, как мне кажется, должна действовать власть, если бы она приняла такое решение.

Но мне кажется, что сегодня власть считает, что лучше, учитывая это окружение, учитывая такой информационный фон, который создает абсолютное большинство украинских журналистов, когда каждое действие власти интерпретируется исключительно как негативное (европейские и американские политики – аналогичным образом, за редким исключением) – лучше не применять даже адекватные меры. Мы до сих пор не можем понять, то ли Луценко ударился головой о бордюр, потому что был пьяный, то ли действительно его кто-то ударил, и даже непонятно, кто именно его ударил, а уже обвинения в сторону власти. Приехали в больницу, там зафиксировали, что он – в состоянии алкогольного опьянения. Почему мы об этом узнаем на следующий день, а не сразу же?

Ведущий: Посреди ночи?

Погребинский: Конечно, люди же интересуются, они же живут этим, значит, им нужно немедленно давать информацию. Привезли пьяным – показали немедленно. Мне кажется, что многое из того, что уже известно и показано на госканалах – эти оскорбления и все остальные Юрия Луценко, мне кажется, что должны как-то приниматься. Мы же ничего толком не видим на наших основных каналах. Ну, сейчас начинают чуть-чуть исправляться.

Я видел, что идет живое обсуждение, кто же будет следующей жертвой следующей пятницы. Я понял, что по очкам получает шанс Поярков как активный организатор Автомайдана. Человек, который имеет вид на жительство США – когда-то хвастался.

Ведущий: Он баллотироваться не собирается?

Погребинский: Нет не собирается, он свою клоунскую функцию выполняет, мне интересно, что его многие люди всерьез воспринимают. Но меня больше удивляет другое. Понятно, что в трудном положении оказались наши лидеры оппозиции. Это тот самый случай, когда лучше молчать, чем говорить. Когда более опытные люди подталкивают Кличко или Руслану к тому, что «вы давайте поговорите про забастовку», они начинают говорить о забастовке, хотя всем понятно, что никакой серьезной забастовки не будет.

Но зачем же выставлять себя полным идиотом, как это делает Яценюк, когда говорит: «мы дали президенту 10 дней, и если он за эти 10 дней не сделает то, что мы от него требуем, мы придем к нему и скажем ему об этом». Это выше всякого комедийного жанра. Как можно такие вещи говорить, если ты серьезный политик? Можно себе представить, чтобы Тимошенко такое сказала?

Я не совсем соглашаюсь с коллегой в том, что, если любой человек выйдет на Майдан и скажет «ребята, разойдитеесь», что он обязательно проиграет при этом – мне кажется, что эту точку уже прошли. Так было неделю назад, сегодня ситуация зашла настолько глубоко в тупик, что если бы пришел человек и сказал, что «мы выполнили свою функцию в том-то и том-то, что

страна не останется такой, как была до сегодняшнего дня, для нас сейчас чрезвычайно важно организовать...». Вот Вы участвуете в процессе подготовки консультаций для оппозиции, я читал ваши соображения...

Ведущий: Я публично их высказываю, но не принимаю участия в их обсуждении.

Погребинский: Если бы меня попросили, я бы предложил некий план. Я считаю, что стояние на Майдане абсолютно бессмысленно. В то же время, если вы осознаете ситуацию, которая есть в реальности... Как, например, можно общаться с людьми, который кричат «революция, революция!». Ясно, что власть с такими не будет разговаривать ни при каких обстоятельствах. В то же время есть на Майдане вменяемые люди, которые не говорят о революции, которые говорят, что так дальше жить нельзя.

Если бы они соорганизовались, как Руслана сказала, но для этого должен быть какой-то процесс, в который будут включены не только певицы, но и какие-то более серьезные люди, которые бы сказали, что «я стоять не буду с этими ребятами, а давайте мы соорганизуемся так, чтобы создать субъект, с которым власть могла бы говорить». Если бы люди на соседнем подиуме сказали, что «для нас принципиально важно, мы не доверяем власти, что она сама будет бороться с коррупцией, мы хотим участвовать в этом процессе. Поэтому, пожалуйста, мы хотим участия нашего в Антикоррупционном комитете, в советах при районных администрациях, чтобы мы получили доступ к информации», – вот с такими людьми можно разговаривать.

Никакой власти не понравится, когда влезает в их внутренние дела, но для того, чтобы снять то напряжение, в котором находится страна, возможно, власть и согласна была бы с ними поговорить. Именно с этими людьми, которые должны прекратить кричать «революция, революция». Невозможно слушать то, что говорят эти ребята. Ну, ладно, они – революционеры, но то, что говорят теоретически вменяемые люди – такие, как Яценюк тоже слушать тяжело.

Ведущий: Теоретически вменяемые – это хорошо сказано.

Погребинский: Я не сомневаюсь, что Яценюк не идиот, но он ведет себя как 100 %-ный идиот. Есть в нем две личности. Личность фактическая, если вы с ним встретитесь, то он будет разговаривать как вполне адекватный человек. А потом он выходит на площадь – и ведет себя как идиот. Несмотря на колоссальную поддержку американского сената, еврокомиссии, они все равно проигрывают.

Ведущий: Есть еще важный вопрос, который в 2014 году сохранил свою актуальность – Тимошенко окажется на свободе?

Погребинский: Мне хочется, чтобы Тимошенко вышла. Я в то же время считаю себя реалистом. Я понимаю, что у нее есть и другой вариант – это вариант, условно говоря, Ходорковского. Когда она дает понять, что она принимает правила игры, по которым живет сегодня политическая система. Это не означает, что она должна сказать, какой замечательный режим, этого не требуется. Но она отказывается от своей суперадикальной позиции, которая сегодня, возможно, и оправдана.

Она, может быть, надеялась, что Майдан скинет эту власть и она освободится. Но когда сейчас стало ясно, что не получается, она гибкий человек, она могла бы дать понять, что она готова играть и по другим правилам, что «срок у Януковича есть, я не имею права участвовать в выборах, но зато я буду помогать сопернику Януковича на свободе».

Ведущий: Она уже в свое время обещала стирать белье в штабе Ющенко.

Погребинский: Да, было такое. Я ищу какой-то метод, чтобы женщина оказалась на свободе.

Ведущий: Может, передать пилку?

Погребинский: Пилку передать, наверно, проще, но ничего из этого не выйдет. Там, где власть хочет показать, что она контролирует ситуацию, она там контролирует. Но почему-то так выходит, что наши радикалы слишком свободны, есть даже мнение, что они кому-то нужны

из власти. Мне это очень трудно понять. Такое впечатление, что кто-то из влиятельных людей говорит, что «вперед, ребята, все будет хорошо, не волнуйтесь».

Потому что иначе непонятно: все эти физиономии есть, они в открытую нарушают все писанные и неписанные законы – и, тем не менее, они чувствуют себя вполне нормально. Но, тем не менее, процесс идет дальше. Мне кажется, что надо искать примиренческий способ с этой властью для Тимошенко, чтобы выйти и получить свободу, пусть не участвовать в выборах на ближайший цикл. Если бы она сказала, что «я вообще не буду участвовать в президентской кампании» – был бы шанс.

Ведущий: Существует ли угроза раскола Украины?

Бондаренко: Об этой угрозе говорится уже очень давно, мне кажется, что столько, сколько существует независимая Украина. На самом деле 184 года в июле будет, как постоянно говорят о расколе Бельгии. В июле 1830 года было принято решение о создании королевства Бельгии, было принято решение о создании временного королевства Бельгии, и на протяжении 10 лет вопрос Бельгии должен был решиться – с тех пор говорили о ее временности.

Гипотетически раскол Украины – в принципе, да, но если говорить реалистично, то раскол не выгоден ни одной политической силе в Украине, не выгоден внешним игрокам, а Украина является очень зависимой от внешнего влияния. Поэтому я думаю, что сценарий раскола не является реалистичным.

Погребинский: Фактически у нас любые выборы президента делят пополам, в этом смысле электорально Украина разделена. Означает ли это, что она не может жить как целостное государство? Нет, не означает. Это зависит от того, какую Украину строят украинские элиты. Если такую Украину, которую пытается построить Майдан с помощью Запада, то такая Украина с очень большой вероятностью будет расколота. И я даже не исключаю, что после осознания того, что получить всю Украину в управление Западом, есть игроки внешние, частично и внутренние, которые готовы пойти на раскол Украины, оставив России часть Украины...

Мне кажется, что есть временная ошибка, фальстарт: если бы этот Майдан произошел через 10 лет, то у него были бы большие шансы получить всю страну, все-таки молодежь больше ориентирована на Европу. Когда эта молодежь через 10 лет готова была бы брать власть, тогда шанс был бы серьезный. Сегодня это фальстарт. По большому счету, я считаю, что украинцы, живущие во Львове, нормально себя чувствуют, когда приезжают в Крым отдыхать, и наоборот – крымчане приезжают во Львов, гуляют по прекрасному городу и нормально себя чувствуют. Задают вопрос по-русски, им отвечают, кроме каких-то редких уродов.

Ведущий: Уроды только во Львове есть или в Крыму тоже?

Погребинский: В Крыму тоже есть. Особенно они активно себя проявляют в последнее время в результате ситуации обострения. Украина как антироссийское государство в таком составе, как она сегодня существует, не может быть. Либо она будет дружественной – и тогда в этом составе, либо она будет расколота.

Без России уладить этот конфликт невозможно (М. Погребинский на радио «Эхо Кавказа», 21.02.14)

...Продолжаем тему с украинским политологом, директором Киевского центра политических исследований и конфликтологии Михаилом Погребинским, который находится на прямой телефонной связи из Киева.

Кети Бочоришвили: Мы с вами уже третий день беседуем в эфире. Вначале вы были настроены оптимистично, считали, что события вряд ли примут необратимый характер. Изменилось ли ваше мнение после сегодняшних событий?

Михаил Погребинский: Мои высказывания оптимистического характера, скорее, выражали не оценку реальности, а мои пожелания того, как бы хотелось, чтобы она развивалась. Я отдавал себе отчет в том, что ситуация развивается по опасному сценарию. Я обычно не хочу говорить, что хуже быть не может. Хуже всегда может быть, но сейчас совсем скверно. Счет раненых и пострадавших уже идет на сотни, десятки убитых, т. е. понятно, что мы живем в городе, где идет самая настоящая война, просто она действительно в основном ограничена на участках центра, но на самом деле, конечно, и на окраинах, и на подъездах к Киеву. Есть локальные стычки, причем часто страдают совершенно невинные люди. Мы не знаем, может эта ситуация как-то успокоиться или нет.

Все, о чем сейчас пытается договориться парламент, выглядит чрезвычайно несерьезно, поскольку там нет представителей одной стороны – для того, чтобы уладить ситуацию, нужен какой-то минимальный консенсус двух сторон. В парламенте удалось собрать кроме оппозиции буквально полтора десятка представителей правящих фракций, и часть из них просто сдалась на милость, как они считают, уже почти победителю, – а именно протестующим и оппозиции, – и теперь уже не представляют свою партию, а представляют, как бы, часть оппозиционного политического поля. Нет такого ощущения, что там может родиться компромисс. Есть ожидания того, что завтра или послезавтра соберется съезд представителей местных властей восточных регионов, и это тоже будет знаком того, что Украина пошла по пути, который может закончиться расколом, если не настоящей гражданской войной.

Кети Бочоришвили: А за это время будут продолжать гибнуть люди. Что, на ваш взгляд, может повлиять на ход событий? Барак Обама сделал весьма резкие заявления по событиям в Киеве, 20 человек внесены в списки невъездных в США, были заявления в адрес России, Европа принимает активное участие в решении вопроса. Или это сейчас не играет совершенно никакой роли?

Михаил Погребинский: Заявления западных политиков, включая Обаму и европейских политиков, играет. Но, на мой взгляд, играет деструктивную роль, т. е. не роль умиротворения. Умиротворение выглядит просто как прикрытие реальных желаний этих политиков. Для меня совершенно очевидно, что реальные желания заключаются в том, чтобы добавить эту власть, Януковича, установить в Украине власть, которая будет как бы склонна прислушиваться к политическим пожеланиям ее европейских и американских партнеров. Это проявляется, прежде всего, в том, что западные переговорщики и высокие должностные лица очевидным образом на протяжении уже почти трех месяцев стоят на стороне оппозиции, делая вид, что они как бы выполняют посредническую функцию. Как можно одновременно занимать жесткую позицию против действующей власти и быть переговорщиком? Именно поэтому, я думаю, Путин послал в качестве переговорщика, по просьбе Януковича, не Лаврова или главу его администрации Иванова, которые действительно представляли бы потенциал России и ее возможного влияния на события в Украине, а скромного человека, который пользуется хорошей репутацией – правозащитника Лукина. Это как раз говорит о том, что пока Россия еще

не включается как игрок или сила, которая способна как-то повлиять на то, что происходит в Украине.

Кети Бочоришвили: Вы считаете, что Россия сможет сыграть конструктивную роль в решении проблемы?

Михаил Погребинский: Я считаю, что без России уладить этот конфликт вообще невозможно, потому что все равно рано или поздно восточные регионы будут обращаться за помощью, и не ответить на эту просьбу о помощи Россия просто не сможет, поскольку тут живет восемь миллионов русских и еще столько же людей, которые просто хотели бы жить с Россией в одной стране, – вот в чем беда. Я все-таки надеюсь, что после воскресенья, – если тут хоть как-то можно их замирить на два-три дня, – можно ожидать какой-то дипломатической активизации России.

Киевский Майдан (интервью М.Погребинского испанскому изданию *La Vanguardia*, 16.03.14)

– С самого начала этого кризиса наша газета писала, что Киевский Майдан содержит три элемента: 1) народное восстание, 2) борьба между олигархами и 3) операция смены режима со стороны Запада. Какой из этих элементов кажется вам наиболее определяющим?

– В самом деле, в украинских событиях есть несколько составляющих. Во-первых, противоборство между Соединенными Штатами, Россией, ЕС при участии Китая за влияние на постсоветском пространстве (геополитический компонент). Во-вторых, борьба крупного капитала с расширением президентских полномочий Виктора Януковича («олигархический» компонент). В-третьих, спонтанное проявление социального протеста, особенно со стороны населения экономически ослабленных регионов Запада и Центра страны (региональный компонент). В-четвертых – попытка украинского националистического актива (праворадикальных групп) при поддержке западных регионов и собственно США реализовать «национальную революцию», силой навязав Юго-Востоку свою власть, язык, своих героев, интерпретацию истории в жестко антироссийском духе.

В-пятых, стремление средних слоев под лозунгами европейской интеграции ограничить власть крупного капитала и высшей бюрократии, подорвать режим «управляемой демократии», декларируя свою политическую самореализацию (либеральный компонент). В-шестых, свержение неугодных Западу режимов путем экспорта «цветных революций» с опорой на соответствующий опыт их реализации в странах «третьего мира» и постсоветского пространства через создание «управляемого хаоса» путем канализации революционной энергии «мелкобуржуазных» либералов из среднего класса и политических радикалов в пролонгированный политический протест.

Каждый элемент важен. Выделить определяющий невозможно, т. к. на разных этапах происходящего один фактор в ряду приоритетных сменял другой.

– Такие страны как Польша, которые в прошлом ничего не решали по поводу политики Европейского Союза, сегодня являются решающими и имеют большую роль. Как вы объясните большую агрессивность и наступательный характер европейской политики в отношении Украины и России?

– Что касается Польши, то она представляет собою наиболее успешный и сильный элемент «Новой Европы», ориентированной на североамериканские элиты и в силу этого особенно заинтересована в «сдерживании России». К тому же польский политический класс традиционно антимосковски настроен, сохранил историческую память о былой сфере особого влияния своей страны в Украине и испытывает серьезные опасения в связи с перевооружением российской армии. Кроме того, особая активность на восточном направлении через программу Восточного партнерства позволяет Польше увеличить свой вес в европейской политике.

В отношении же позиции ЕС, то напомним, что в ноябре 2010 года состоялась встреча между Меркель и Путиным, в ходе которой обсуждалась российская идея о создании ЗСТ между Европейским Союзом и Россией. В ее преддверии Меркель положительно отозвалась о такой инициативе, но сделала одну оговорку: по ее мнению, Таможенный Союз Российской Федерации, Казахстана и Беларуси является препятствием для формирования такого рода ЗСТ. Таким образом, различия в позициях состоит в том, что ведущая сила в ЕС выразила согласие исключительно на двусторонние отношения между ЕС, с одной стороны, и Россией, а также иными постсоветскими странами, с другой, выразив нежелание признать за Москвой

стремлении усиливать свои позиции за счет блокирования в рамках экономических интеграционных объединений с Астаной, Минском и так далее.

Нечто подобное прослеживается в отношении постсоветского пространства и на военно-политическом уровне. Украинские эксперты отметили, что все члены пророссийской ОДКБ сотрудничают на двусторонней основе с НАТО, однако НАТО, как организация, не поддерживает отношений с ОДКБ как целостной организацией.

Украина в этих условиях стала жертвой усилившейся конкуренции между двумя проектами обустройства постсоветского пространства в его взаимоотношениях с ЕС. При этом и ЕС, и Россия добивались от нее решения по принципу «либо – либо». Брюссель выдвигал требования подписания ассоциации ЗСТ с ЕС, возражая против одновременного сближения Украины с Таможенным Союзом. Россия стремилась привлечь Украину в состав Таможенного Союза, а далее Евразийского Союза, и подчеркивала, что Украина не сможет присоединиться к Таможенному союзу после подписания соглашения об ассоциации с ЕС.

В позиции Германии (полная поддержка США в вопросе Крыма), по-видимому, важную роль сыграло опасение Меркель в том, что аннексия Россией Крыма может привести к дестабилизации всего европейского проекта на длительную перспективу, подорвав усилия Германии стать центром устойчивого развития на годы вперед.

– Сколько милиционеров и «беркутовцев» в числе ста убитых на Майдане? У меня есть одиннадцать имен. СМИ Киева не говорят об этом уже несколько недель. На самом деле их больше одиннадцати?

– Еще 21 февраля МВД признало факт гибели 16 силовиков. Затем сообщалось, что еще несколько человек умерло от ран в госпиталях. Точные цифры неизвестны. А не говорят об этом потому, что для новой власти – эти погибшие не отнесены к сонму героев новой украинской мифологии. Отмечу также, что среди жертв, которые формально относят к числу протестующих, есть, например, компьютерщик из офиса Партии регионов, Владимир Захаров, который задохнулся в дыму подожженного протестующими здания, а по многим свидетельствам и был избит ими.

– Как оценить ситуацию вокруг снайперов?

– Я не следователь и не судебный эксперт. Но, чтобы ответить на этот вопрос, надо сначала ответить на вопрос, кому это было выгодно? Очевидно, что максимизация жертв была выгодна Майдану как способ усилить давление Запада на украинскую власть, добиться уступок от президента и переформатировать композицию парламента. Ведь, как показали события на Грушевского, когда появились первые жертвы, Запад обвинял в насилии исключительно власть и усилил на нее давление. Уже тогда высказывались обоснованные предположения, что трое убитых стали жертвами провокаторов, а не силовиков. Снайперы – это способ максимизации жертв. А 19 февраля жертв было заметно меньше чем 18-го. И снайперы появляются 20 февраля, как раз тогда, когда приезжает тройка европейских министров. Кстати, практически никто не отрицает, что они стреляли в обе стороны. Эта история должна быть тщательно расследована, но похоже, этого не желают ни власть, ни Европа.

– Будет ли преувеличением говорить об охоте на ведьм и волны репрессий против «сепаратистов» или «антимайдановцев» в таких городах как Киев, Донецк, Луганск, Харьков? Как бы вы охарактеризовали ситуацию в Украине сегодня? Какие акценты по этому поводу?

– С одной стороны, происходящее на Юго-Востоке во многом является зеркалом Майдана. Там увидели, что можно захватывать государственные здания, если власть не нравится. И решили, что можно захватывать и, если другая власть не нравится, тем более, что новая власть демонстративно игнорирует интересы едва ли не половины населения страны. Чего стоят, к примеру, кадровые назначения в регионы Юго-Востока. Однако, когда новая власть, в отличие от старой, стала использовать все предусмотренные законом меры, то никто в Европе не стал ее критиковать.

Но это только одна сторона, а есть и другая. Одно дело, когда к ответственности привлекаются люди, захватившие здание – хотя и здесь можно было бы повести себя иначе, например, отбить здание, сказать, что мы еще пару недель не будем привлекать к ответственности, а вот затем. А другое дело – когда возбуждают уголовное дело против бывшего харьковского губернатора Михаила Добкина только за то, что он публично высказывался в поддержку федеративного устройства Украины, то есть такого, которое имеют Германия, Австрия, Бельгия, а фактически и Испания. И собрал конференцию политологов, где высказывались различные мнения по поводу такой перспективы. Если в случаях с Тимошенко и Луценко можно было говорить о (скрытой) политической мотивировке уголовных дел, то здесь налицо очевидный политический процесс. Но Европа, конечно, молчит. Европа требовала децентрализации на Балканах – в Боснии, Косово и Македонии, но на Украине она никогда не говорила, что здесь надо предоставить регионам больше прав, в том числе выбирать руководителей регионов. Думаю, потому что в Европе считают, что это институционально усилит русскоязычную Украину.

И когда человека привлекают к уголовной ответственности только за такие мнения – это явный признак охоты на ведьм. Я не знаю, как пойдет дело дальше, но нельзя все происходящее объяснять просто ошибками или какими-то случайностями. Равно как говорить о том, что, дескать, отмена языкового закона (предоставляющего русскому и др. языкам меньшинств региональный статус) в первый день работы реформированной под дулами автоматов Верховной Рады – это ошибка новой власти. Его отмена – это один из ключевых идеологических положений тех сил, которые Майдан привел к власти. Мы же не говорим, что Франко ошибся в отношении отмены автономии Каталонии и Страны Басков, а каталонские анархисты времен гражданской войны в отношении католической церкви. Вещи, которые вытекают из сути идеологии, нельзя определять как «ошибки» даже, если эти вещи для нас неприемлемы.

– *Что означает Генеральная прокуратура в руках партии «Свобода», или глава Совета национальной безопасности в лице Андрея Парубия? Что можно ожидать от них?*

– Оппозиция пришла к власти в результате государственного переворота («народного восстания» – можно и так называть), а не путем выборов. Поэтому она неизбежно столкнулась с проблемой обеспечения контроля над всей системой государственной власти и нейтрализации остатков влияния оппонентов. Контроль над финансовыми и силовыми ресурсами позволяет решить указанную проблему, для чего руководителями в этих сферах были поставлены люди, не вызывающие сомнений в своей преданности у новых руководителей страны – с одной стороны, и, в виду собственной идеологической индоктринации, принципиально не способные к сговору с прошлой властью.

Во-вторых, кадровая политика новой власти сегодня достаточно жестко ограничена требованиями людей, все еще стоящих на киевском Майдане. Вероятно, в дальнейшем влияние этого фактора будет снижаться, однако на данный момент новая власть ориентируется на требования Майдана и использует «кадровый резерв» Майдана. Новые назначения должны свидетельствовать о намерении реализовать обещания люстрации и привлечения к ответственности представителей старой власти. Именно поэтому на должность главы ГПУ был назначен представитель радикальной политической силы.

Что же касается Парубия, бывшего коменданта Майдана и одного из ключевых организаторов военизированной Самообороны Майдана, то его назначение, кроме прочего, обеспечивает хоть какой-то контроль новой власти над отрядами «Народной самообороны», многие члены которой вооружены.

Мне не кажется вероятным, что в будущем глава ГПУ и секретарь СНБО начнут вести какую-то самостоятельную политику. Задачи для них будут ставить глава государства и правительство. Однако нахождение именно этих людей на указанных должностях свидетельствует о намерении новой украинской власти проводить жесткую политику.

– *Путин рисковал очень сильно в Крыму. Очевидно, эта операция не имеет пути назад, однако у него есть путь вперед. Как Вы считаете, возможна ли интервенция русской армии в восточную и южную Украину, как предсказывает вице-адмирал Игорь Кабаненко?*

– Теоретически интервенции русской армии в восточные и южные регионы Украины исключать нельзя. Но произойти это может только при определенных условиях.

Во-первых, если на территорию Крыма для восстановления контроля над полуостровом будут введены, помимо тех, что уже там находятся, дополнительные украинские вооруженные силы. Думаю, что вероятность такого решения новой украинской власти ничтожна. В этом случае для поддержки своих военных Россия может осуществить интервенцию в восточные регионы Украины.

Во-вторых, в том случае, если на Востоке развернется масштабное гражданское сопротивление новой украинской власти, которое попытаются подавить силовым путем. В таком случае так же нельзя исключать того, что Россия решит оказать поддержку протестующим.

Для того, чтобы такая интервенция совершилась, необходимо создание условий, при которых для значительной части мирового сообщества будет очевидно, что без войсковой операции в восточных украинских регионах под угрозой окажутся жизни людей, что на мой взгляд, пока маловероятно.

– *Как избежать конфликта или даже войны в Украине?*

– К сожалению, конфликт уже разгорелся, только он пока проходит в формате «холодной войны». Теперь задача состоит в том, чтобы не допустить его эскалации и перерастания в разрушительную гражданскую войну.

Возможности для мирного урегулирования кризиса все еще сохраняются. Но поле возможностей чрезвычайно сужено самой нынешней украинской властью. Последняя ведь так и не предложила никакого плана мирного урегулирования проблемы, ограничившись невнятными обещаниями расширить полномочия Крыма. При этом она публично признала и отсутствие у нее ресурсов для разрешения ситуации силовым путем. Она для себя выбрала третий путь – призвать на защиту страны внешних игроков, переложив на них или, как минимум, разделив с ними, ответственность. Так что судьба Крыма и стабильность Украины сегодня зависят от того, удастся ли договориться США и России по «украинскому вопросу». И эти договоренности действительно очень важны.

Прежде всего, они должны касаться гарантий нейтрального статуса Украины и ее сохранения как дружественного торгово-экономического партнера России. Кроме того – должны быть обеспечены международные гарантии федерализации Украины, включая право регионов избирать своих руководителей. В свою очередь, Россия и ЕС должны взять на себя обязательства исключить воспроизводство подхода к Украине по принципу «или-или».

Хочу особо обратить внимание на то, что сегодня даже такие ведущие американские эксперты как З.Бжезинский и Г.Киссинджер, которые традиционно занимают различные позиции по вопросу взаимоотношений США и России, пришли к одинаковому выводу – мирное разрешение украинского кризиса предполагает «финляндизацию» Украины. В данном случае это означает – превращение ее в европейски ориентированную, но при этом и не во враждебную России, страну.

Гарантии нейтрального статуса Украины при сохранении ее территориальной целостности станут шагом, направленным на мирное урегулирование международного кризиса, о котором мы можем говорить в связи с событиями в Крыму.

Но на повестке дня остается еще и внутриукраинский кризис. Первым шагом по его разрешению является возвращение политического процесса в Украине в рамки закона. Я не думаю, что сегодня есть возможность, как на этом настаивает Россия, реализовать в полном объеме те соглашения, который были при международном посредничестве подписаны между В.Януковичем и лидерами оппозиции 21 февраля. Но там предложен общий алгоритм выхода

из внутривнутриполитического кризиса, которого было бы разумно придерживаться. Он предполагает разоружение тех формирований, который были созданы оппозицией в ходе противостояния с властью, подготовку и принятие новой Конституции – убежден, что в ней должны быть предоставлены широкие права регионам, закреплены культурные, религиозные и языковые права граждан, закреплен нейтральный статус страны – выборы президента, формирование нового правительства. После этого, думаю, было бы неплохо провести и досрочные парламентские выборы.

Убежден, указанный мною путь – это единственная возможность не допустить силового противостояния, грозящего расколом Украины. Но, к сожалению, стороны пока не демонстрируют готовности идти по пути мирного урегулирования. Кто-то хочет взять реванш в Украине, кто-то стремится не «потерять лицо» в случае такого реванша, а кто-то просто намерен наказать оппонента. Поэтому ситуация продолжает вызывать глубокое беспокойство.

Поиски компромисса

Революция закончилась победой Майдана, однако это отнюдь не означало, что вся Украина «как один человек», поддерживают Майдан. И поэтому актуальным остался все тот же вопрос: каким может быть компромисс в новых условиях?

В мае 2014-го сохранялись надежды достичь какого-то компромисса между Киевом, где была установлена новая власть, и мятежными регионами, в которых многие не желали такую власть признавать.

Я последовательно выступал в пользу такого компромисса.

В итоге вместо конфликта в Киеве по нарастающей пошел конфликт в Донбассе. Как и в Киеве, он начинался мирно, но... дальше все, к сожалению, знают, что произошло.

Как найти компромисс («Невское Время», 13.04.14)

На следующей неделе должна состояться встреча глав МИД России, США, Украины и ЕС. Сам факт, что эта встреча запланирована (а я надеюсь, что она состоится), уже свидетельствует о некотором снижении напряженности.

Москва, со своей стороны, в принципе согласна на встречу, в которой будет участвовать представитель нынешних властей Украины, как этого хотели США и Европа. (Впрочем, американцы добивались, чтобы Москва и Киев вели переговоры «один на один».) При этом для России важно, чтобы Украина была представлена не только киевской властью, но и Юго-Востоком страны. Пока США и ЕС на это вроде как не согласны – их интерес состоит в том, чтобы представить украинский кризис как конфликт между новыми властями Украины и РФ. Но, конечно, это далеко не так: кризис-то прежде всего внутриукраинский!

То есть позиции сторон, участвующих в переговорах, очень различны, и до настоящего переговорного прорыва еще очень далеко. К слову, во многом ситуацию усугубляют информационные войны, которые сегодня ведут как украинские, так и некоторые российские СМИ. Они многократно усиливают напряжение в обществах двух стран.

Что же касается переговоров, то, на мой взгляд, здесь все упирается в степень автономии восточных регионов Украины. Начальная позиция одной стороны – это полноценная федерализация всей Украины. Другой – мягкая «децентрализация» власти.

Что касается федерализации, то, как бы мне ни был симпатичен такой сценарий, я все же на сегодня, увы, не верю, что у него высокие шансы на реализацию. Нынешние власти Киева уже сумели убедить западных «друзей Украины» в том, что федерализация – это маневр Кремля для дальнейшей «аннексии» Юго-Востока Украины. Москве понадобится проявить невероятную дипломатическую убедительность (и представить гарантии), чтобы снять опасения Запада.

В итоге, я думаю, компромисс может быть найден на следующих условиях: высокий уровень автономии регионов («бюджетный федерализм»), назначение губернаторов областным советом (или – прямые выборы населением региона), а не президентом, как сейчас, и проведение досрочных парламентских выборов (после президентских – скажем, осенью) с целью полного реформирования власти. Это тот минимум, на который, возможно, Москва и могла бы согласиться.

Второй ключевой момент – статус русского языка. Тут как минимум необходимо сохранить тот закон, который на Украине ранее неоднократно пытались отменить, а потом передумали. Согласно этому закону официальный статус получают в регионах языки, которые используют не менее 10 процентов жителей региона. И похоже, на это нынешняя киевская власть уже готова согласиться (или делает вид, что готова). Если же говорить о нынешней переговорной позиции Юго-Востока в этом вопросе, то это придание русскому языку государственного статуса на всей территории Украины.

В целом, думаю, сегодня США и Европа приходят к пониманию того, что они просто не готовы взять на себя ответственность за Украину. Они поняли, что без доброй воли России украинское государство не удастся удержать на плаву никакими деньгами. Кроме того, не стоит забывать, что мы живем в условиях рынка. Европа не сможет заставить свой бизнес покупать украинские моторы, вагоны или трубы. А Россия – покупает. Поэтому без участия России вся эта история так или иначе закончится коллапсом Украины. Другое дело, что русские готовы помогать Украине, но для этого им нужны гарантии в сфере внутренней украинской политики.

И референдум, и центральная власть – не легальны (из интервью М. Погребинского для Donbass.ua, 13.05.14)

– Все, что происходит в последние полгода в Украине находится вне правового поля. В том числе, конечно, и референдум в Донбассе. Ну, нет у нас закона о местном референдуме! Так его и не будет никогда, т. к. любая киевская власть заинтересована в монополии на принятие политических решений для всей страны и для каждого региона – в отдельности, а Верховная Рада устроена так, что она представляет интересы киевской бюрократии и олигархии.

Референдум в Донбассе не ЛЕГАЛЕН, так же как НЕ ЛЕГАЛЬНА киевская власть. Но, в отличие от киевской власти, он ЛЕГИТИМЕН, т. к. за него проголосовало почти 3,5 миллиона граждан (более половины жителей регионов, имеющих право голоса). Я думаю, их мотивация была двойная. Во-первых, это был вотум недоверия киевской власти. Кстати, цифры примерно совпадают с опросом Центра Разумкова месячной давности, где более 70 % опрошенных Донбасса высказались за недоверие киевской власти. Во-вторых, люди высказались за АВТОНОМИЮ региона. А вот то, что стоит за этим понятием должно стать предметом переговоров Донбасса и Киева.

Что дальше? Это зависит от степени рациональности решений, принимаемых Киевом. Очевидно, что игнорировать волеизъявление миллионов своих граждан никакая вменяемая власть не должна. Самым разумным решением Киева было бы немедленное прекращение т. н. АТО и предложение лидерам сопротивления сесть за стол переговоров, освободив задержанных активистов и прекратив использовать лексику ненависти (никаких «террористов, сепаратистов»!). Разумеется, лидеры Донбасса должны параллельно освободить пленных. В этом случае есть хорошие шансы сохранить Донбасс в составе Украины, предоставив ему высокую степень автономии.

Вариант «неразумный» даже не хочется обсуждать, т. к. его последствия будут трагическими, для украинской государственности – в том числе. Я имею в виду попытку провести масштабную войсковую операцию против Донбасса. Очевидно, что она, во-первых, бесперспективна, т. к. все равно не «поставит Донбасс на колени», во-вторых, поставит крест на всех попытках сохранить этот регион в составе Украины.

Как остановить войну в Донбассе («МинПром», 15.05.14)

Выход из кризиса можно найти при помощи переговоров, но для этого нужна воля двух сторон. Сейчас же воли нет ни у одной стороны. Реально представляющие сегодня протестное движение на Донбассе люди не хотят разговаривать с теми, кто их убивает. А киевская власть тоже не хочет разговаривать и устраивает имитацию круглого стола.

Очевидно, что конфликт не вообще в федерализации и т. д., он на 90 % обусловлен тем, что киевская власть сформирована на антироссийской основе, поддерживается наиболее антироссийскими частями мирового политического класса и в США, и в Европе. И именно это есть причина несовместимости противоборствующих сторон. И, несмотря на это, Киев назначает модератором человека (первого президента Леонида Кравчука. – *Ред.*), который ненавидит Россию, у которого комплекс неполноценности по отношению ко всему русскому, который хорошо известен как человек, который устраивается при любой власти. Ясно, что уже сам этот факт говорит о том, что организаторы этого стола не намерены на нем что-то решить.

На круглом столе должны быть представлены по 5–6 человек с каждой стороны. Это должны быть люди, которые принимают решения. С одной стороны, должны сидеть лидеры протеста Юго-Востока. Самопровозглашенные, неважно как, но они лидеры этого протеста. Кроме этого, там должен быть Ринат Ахметов или его полномочный представитель. По одному представителю от Донецкого и Луганского облсоветов. И неплохо было бы, чтобы там сидел представитель США, потому что он рулит нашим правительством сегодня. Со стороны Киева должны сидеть премьер, и.о. Президента, лидеры фракций. Это и есть реальный стол, за который они должны сесть. А во главе стола должен сидеть руководитель ОБСЕ, а не политический пенсионер. Естественно, перед проведением данного круглого стола власть должна объявить перемирие и остановить антитеррористическую операцию в регионе.

Вместе с тем, часть представителей нынешней киевской власти не хотят мирно решить проблему. Они хотят оставить неразбериху для будущего президента. Ведь ясно, что у них не получается поставить своего президента – Юлию Тимошенко. Тогда зачем же делать мир и отдавать его Порошенко? Пусть он получит воюющую страну, а мы будем потирать руки, вот смысл того, что мы видели.

Об украинском кризисе («The National Interest», 19.05.14)

Тот факт, что Госдеп США и лидеры ЕС демонстрируют чрезвычайную заинтересованность в том, чтобы президентские выборы в Украине состоялись 25 мая, говорит о том, что они отдают себе отчет в нелегитимности нынешней украинской власти и ее неспособности обеспечить элементарный порядок в стране. Но вместо того, чтобы подтолкнуть власти Украины к поиску компромисса с протестующим Юго-Востоком, расчет делается на то, чтобы легализовать приход к власти в стране прозападного правительства, которое получит формальные основания для жесткого подавления протестов и навяжет стране антироссийский курс. Не случайно Помощник госсекретаря Виктория Нуланд высказалась даже в том смысле, что обеспечение проведения президентских выборов 25 мая, что называется, «при любой погоде», – в интересах национальной безопасности США?!

Если в «интересах национальной безопасности США» хаос и нестабильность на территории Юго-Востока Украины, где проживает более 12 миллионов человек, то проведение выборов 25 мая при сохранении нынешней политики украинской власти (проведение так называемой «антитеррористической операции», отказ от каких-либо переговоров), конечно, этот интерес обеспечивает. Нет ровным счетом никаких серьезных аргументов в пользу того, что после выборов, на которых вне всякого сомнения победит представитель Запада-Центра страны (на эту роль уже утвержден в Вашингтоне и Берлине олигарх П.Порошенко), ситуация в стране стабилизируется, а протестующие на Юго-Востоке сложат оружие и разойдутся по домам. Тон, которым разговаривает Вашингтон с Москвой, исключает реальное содействие России в реализации такого плана. Напротив, подталкивает Москву к разного рода поддержке протестов на Востоке Украины и непризнанию результатов выборов на значительной части территории Украины и, заодно, Россией.

В то же время, заявление В.Путина о том, что «проведение президентских выборов – путь в правильном направлении» давало робкие основания надеяться на готовность РФ признать результаты президентских выборов, несмотря на predeterminedность их результатов. Очевидно, что для этого необходимо было выполнить целый ряд условий. Эти условия неоднократно формулировались законными представителями региональных общин – областными и городскими советами Донецкой и Луганской областей. Однако ни одного реального шага по реализации этих требований киевская власть не сделала. Только абстрактные обещания по «децентрализации» на фоне возбуждения уголовных дел и арестов активистов – на тот момент безоружных, что и стимулировало протестную активность радикального характера вплоть до захвата административных зданий и оружейных помещений. Было бы абсурдно утверждать, что Россия не поддерживала протесты. Конечно, поддерживала, что можно было с уверенностью прогнозировать. А на что, собственно, рассчитывали пришедшие в результате переворота украинские власти и их покровители в Вашингтоне и Брюсселе? Ведь очевидно, что укрепление откровенно антироссийской власти в Киеве – серьезная угроза безопасности России. Во всяком случае, не было никаких оснований считать, что Россия иначе воспримет переход Украины под геополитический контроль США. Думаю, что неожиданная для западных стратегов «операция Крым», была, на самом деле, вполне прогнозируемой. И, на мой взгляд, Путин готов был Крымом и ограничиться, а поддержка протестов на Юго-Востоке, на мой взгляд, имела характер принуждения киевских властей и их покровителей к компромиссу, который включал бы гарантии геополитического свойства, в том числе – нейтралитета Украины.

Думаю, что не только Запад недооценил готовность Путина защищать интересы России на территории «геополитического буфера» в терминологии Джеймса Фридмана из Stratfor.

Путин также недооценил готовность Вашингтона и, особенно, Берлина жестко противостоять российской политике в Украине. В результате геополитические оппоненты начали втягиваться в чрезвычайно опасную спираль нагнетания напряженности. Госдеп, да и Берлин, пошли на безоговорочную поддержку киевской власти, не проявляя готовности искать компромисс с Москвой. Слабое киевское правительство, которое не в состоянии контролировать парамилитарные группы постмайданного актива с сильным ультраправым элементом, опираясь на сочувствие администрации Обамы, решило, что оно сможет силовым путем обуздать протесты на Юго-Востоке. А Москва, в свою очередь, просто вынуждена была повышать ставки там, где это было сделать легче всего – в регионе с высоким процентом пророссийски настроенного населения – на Донбассе.

Этот текст написан сразу после проведения референдума в двух областях – Донецкой и Луганской. Любая вменяемая власть, прежде чем предпринимать силовую операцию с использованием тяжелой бронетехники и авиации поинтересовалась бы отношением к себе в этом регионе. Накануне начала этой АТО были опубликованы данные опроса жителей региона по заказу сочувствующего киевской власти издания. Согласно этому опросу более 70 % жителей Донбасса считают киевскую власть нелегитимной. Этот опрос проводился до трагических событий в Одессе и Мариуполе. Можно не сомневаться, что эти события, во время которых погибли десятки мирных жителей, не улучшили отношения к киевской власти на Юго-Востоке. Исполняющий обязанности президента Украины А.Турчинов вынужден был признать, что протесты на Донбассе поддерживаются местным населением, тем не менее военная операция не остановлена, хотя за все время ее проведения она не достигла ни одной из поставленных целей, а мирные жители продолжают погибать. Разумеется, проведенный в двух областях Донбасса референдум не соответствует украинскому законодательству и общепринятым демократическим нормам и не имеет прямых юридических последствий.

Тем не менее, игнорировать мнение миллионов своих сограждан никакая власть не вправе. Не думаю, что просьба лидеров самопровозглашенных Донецкой и Луганской республик, обращенная к руководству России, принять их в состав Российской Федерации имеет позитивную перспективу.

На мой взгляд, на первом этапе речь может идти о форсированном принуждении к началу реального мирного процесса, реальным переговорам между Киевом и Донбассом. Переговорам с участием ОБСЕ, которые могли бы завершиться соглашениями о предоставлении Донбассу широкой автономии в составе Украины, разумеется с международными гарантиями. Проблема, которая по-видимому вскоре возникнет – конкуренция различных субъектов региональной политики за право представлять интересы Донбасса в переговорах с Киевом.

И последнее. События на Украине с очевидностью демонстрируют бесперспективность для геополитических игроков строить политику в отношении Украины по принципу «игры с нулевой суммой», когда «победитель получает все». Со стороны Вашингтона и Брюсселя эта политика основана на ошибочном представлении об Украине, как «обычной» восточно-европейской стране, население которой тяготеет своей зависимостью от России и мечтает наконец избавиться от нее. Как в Польше и Венгрии. Просто в Украине «процессы демократизации» идут медленнее, но и тут должна победить своя «революция» по образцу событий 1989–1990 годов в странах Восточной Европы. Именно такое видение мотивирует настойчивость, с которой США и Европа пытаются втянуть Украину в сферу своего монопольного влияния.

Симметричное представление об Украине как части «Русского мира», которая уже потому должна оставаться в сфере монопольного влияния Российской Федерации, как это было на протяжении столетий, также сегодня не актуально. Разрешение нынешнего украинского кризиса при сохранении территориальной целостности Украины (без Крыма, который для Украины, как мне представляется, утрачен безвозвратно) возможен лишь при взаимном

отказе Запада и РФ от претензий на включение Украины в монопольную сферу собственного влияния. Кажется, к пониманию этой мысли противостоящие стороны почти готовы.

Украину ожидают революционные перемены (интервью М. Погребинского для РИА Новости, 20.05.14)

– Михаил Борисович! Давайте начнем с самого скандального, в чем, на наш взгляд, остро проявилась сегодняшняя политическая ситуация в Украине. Несколько дней назад в Интернете появились аудиофайлы и распечатки телефонных переговоров олигарха Коломойского с бывшим кандидатом в президенты Украины Царевым, в которых олигарх угрожает Цареву, словом, наговаривает себе состав преступления. Зная особенности украинского медиа-пространства, в котором в последнее время ничего не происходит спонтанно, как вы считаете, зачем появилась эта запись, этот слив, кому это выгодно?

– Разные версии есть на этот счет. Хотя при сегодняшнем уровне технических возможностей нельзя быть уверенным, что это – аутентичная запись, что это не подделка...

– Тем не менее, Царев подтвердил, что такой разговор у него с Коломойским состоялся.

– И все-таки, этого недостаточно. Понимаете, Коломойский не должен быть заинтересован в такой записи. Он ведь прекрасно понимает, что все прослушивается и записывается. А в этом разговоре есть основания, чтобы Интерпол включил Коломойского в свои списки международных преступников. Здесь он просто выступил в роли крестного отца еврейской мафии Днепропетровска. Мне кажется, что для правоохранителей, международных в том числе, этот разговор – основание для того, чтобы начать разбираться с ним всерьез. Но все же, я еще раз хочу сказать, что нужно подтверждение, что такой разговор действительно состоялся. Царев, может быть, сказал, что этот разговор был, но этого недостаточно.

Те, кто знает Коломойского лучше, чем я, вполне допускают, что он такое мог сказать. Потому что этот разговор находится в русле того, что делал Коломойский в последние два месяца... Много ли добавляет эта запись к уже сделанному им? Очевидно, нет. Поддержка «Правого сектора», поддержка откровенных националистов, создание отрядов для подавления федералистов на Юго-Востоке, откровенные наезды на главу соседнего государства... По моему, после всего этого достаточно долго жить в Украине он не сможет. Ему придется в любом случае уехать – придет ли власть, которая ему симпатизирует, или нет – все равно. Мне кажется, любая власть постарается от таких людей дистанцироваться. И ему придется отсюда уезжать.

– Но сейчас он выполняет, я бы сказал, самую отвратительную роль во всех событиях последнего времени. Трудно себе представить что-то более отталкивающее.

– Да, думаю, и вне Украины, то есть в Европе, где он представляет еврейскую общину (не только днепропетровскую и украинскую) у него возникнут большие проблемы. Дела даже не в сленге, на котором он общается. Дело в самой сути его заявлений.

В Украине считается, что Коломойский – человек очень умный. Мне когда-то один достаточно близко его знающий человек сказал, что он – самый умный человек из всех, кого он когда-либо встречал за всю свою жизнь. А говоривший – сам очень неглупый человек. И как может этот умный человек, хорошо понимающий особенности политической, более того реальной жизни Украины с ее прослушками, сливами, подставами, по телефону наговаривать себе состав преступления? В эту фантастику трудно поверить. Потому и говорю, что утверждения Царева о том, что такой разговор имел место, недостаточно.

– Михаил Борисович, вы, как известно, консультировали и Кучму и Януковича. Много работали с властью на политическом поле. На ваш взгляд, нынешняя украинская власть опирается на какие-то политологические консультации, или она действует по наитию?

– Нынешняя власть временная по определению, поэтому она находится в таком узком коридоре возможных действий, что ей не нужны никакие консультации. Они это прекрасно понимают. Кто-то пытается устроиться в будущей жизни, кто-то надежд устроиться не имеет. У

Турчинова, например, устроиться в какой-то будущей политической жизни шансов я не вижу. А остальные – Яценюк там, многие другие – видимо, уже навели мосты с будущим президентом Петром Порошенко. Кстати, у Порошенко уже есть фракция в Верховной Раде, которой он практически руководит.

Так что, думаю, в консультациях они не нуждаются. И те политконсультанты, которые там в окружении находятся – я не хочу называть фамилий – они уже для себя решили, что эта власть – временная, и им потом придется работать с другими политиками. Более того, я знаю наверняка, что они вообще не хотели, чтобы Тимошенко выдвигалась кандидатом в президенты.

Сначала мои коллеги, которые с ней работают, считали, что она проиграет боксеру Кличко (тогда он еще был кандидатом с шансами). Кстати говоря, я так не думал, а они тогда уже были в этом уверены. Они не хотели, чтобы она участвовала в выборах. Тоже самое и в конкуренции с Порошенко.

Я считаю, что мы находимся накануне распада всех крупных партийных проектов в Украине. И «Батькивщины», и Партии регионов, и «УДАРа». Это действительно момент полного слома действующей политической системы и перехода к какой-то новой. Я не очень понимаю, к какой, но мы просто можем предположить, что, если Новороссия останется в составе Украины – а я считаю, что вероятность такого варианта выше, чем любого другого, то на месте Партии регионов появится партия «Новороссия» (название условное, конечно). Место в политическом поле для нее есть. Партия эта будет, скорее, левоцентристская, чем олигархическая, и она будет иметь 20–25 % поддержки населения. А с Крымом имела бы до 30 %.

И на другом фланге тоже что-то произойдет, потому что распадается радикальная часть националистического спектра, по всем данным, она не имеет рейтинга – они все вместе получают 2–3%.

И, тем более, этому способствует украинское медиапространство. Скорее бессознательно, чем по чьему-то указанию или умыслу. Ведь нашему журналистскому сообществу свобода слова не нужна, им нужна возможность свободно «мочить» тех, кого они не любят. А вот если их заставляют «мочить» других, они возмущаются и борются за «свободу слова». А если нет заказа «мочить» тех политиков, кто им нравится, то, как сегодня: наблюдаем полное единство журналистов с властью, они с упоением лгут ради «победы добра над злом», разумеется, в их представлении об этих понятиях, нисколько не смущаясь, успешно переквалифицировались в пропагандистов. Хотя пресса, медиа по определению должны находиться в оппозиции к власти. И если они этого не делают, то не отдадут себе отчет в предстоящем переломе политической системы. Они этого просто не могут увидеть.

Вообще, мало кто в стране отдает себе отчет в том, что Украина находится накануне резкого слома всей политической системы. И реальная революция системы – она произойдет после, не сейчас – Майдан ее только запустил. И теперь, я считаю, не будет уже в полном смысле этого слова «олигархических» партий, а если и останутся, то будут играть все меньшую роль.

В этом смысле, конечно, если бы Тимошенко выбрала иной вариант позиционирования, то, возможно, могла бы электорально не провалиться так, как провалилась – до рейтинга в 8–9 процентов. Правда, выбрать перспективную модель позиционирования было весьма сложно, прежде всего – из-за эффекта Крыма, который мобилизовал антироссийский электорат и приходилось всем «майданным» претендентам топтаться на одном поле, а т. к. люди устали от агрессии и бардака, то шансы получил условно более умеренный политик, каковым люди воспринимают Петра Порошенко – за неимением никого более подходящего.

– *Вы считаете, политическая звезда Тимошенко закатилась?*

– Скорее всего, да. Но вот тот антиолигархический импульс, который она задала в своей предвыборной платформе, будет только набирать силу... И некоторые мои коллеги, которые считают народного губернатора Донецка Губарева таким наивным, с которым никто всерьез,

как они утверждают, не будет считаться, рискуют сильно ошибиться... Я считаю, что он – единственный политик на Юго-Востоке, который говорит, предвидя (или угадывая!) будущий мейнстрим. Он единственный, кто говорит: хватит давать нашим «жирным котам» жить за наш счет. Он тоже, хотя и по-своему, против олигархов. Я думаю, что в результате происшедшего на Юго-Востоке страны, этот донецкий регион уже не будет монополично управляться Ренатом Ахметовым. То есть Ахметов, конечно, останется влиятельным игроком на экономическом и политическом поле региона, но монополии на управление у него уже не будет.

– *Но если президентом страны становится олигарх, о каком слове системы «жирных котов» можно говорить?*

– Во-первых, нет никакой уверенности в том, что олигарх станет президентом надолго. Да, Петр Порошенко может стать президентом (кстати, в его зашкаливающие рейтинги я не верю, все исследования вызывают у профессионалов вопросы, какой уровень отказов, как опрашивали на Юго-Востоке, каков уровень неискренности и т. п.), похоже, действительно больше ни у кого нет шансов... Если выборы состоятся и будут признаны, к чему, по-моему, склоняется уже и Россия (потому что нужен хоть какой-то вменяемый переговорщик, с нынешними руководителями разговаривать Москва не собирается), то не факт, что он получит полноценную легитимность.

Кроме того, далеко не факт, что он останется президентом надолго. Это будет зависеть от его поведения, какую политику он будет вести. Да и сумеет ли восстановить более или менее нормальный диалог с Россией – большой вопрос. А без этого никакие кредиты МВФ и пр. не спасут экономику от коллапса. А что делать с Новороссией? Сумеет ли пойти на конфедеративный договор или продолжит бесперспективную тактику игнорирования реальности? Его предвыборные речи можно не принимать всерьез («...на донецкий референдум пришли ноль людей...» и пр. чепуха), чего не наврешь, ради главного приза.

Но сумеет ли Порошенко вписаться в тренд? Человек он достаточно гибкий... Если он поймет, что тренд заключается в том, что будет формироваться новая политическая система, сможет ли он вписаться в новую систему? Он же когда-то хотел создавать левоцентристскую политическую силу – всякое бывает, бывает, что и богатые люди формируют такую силу. Тогда шансы удержаться на своем посту у него возрастут. Но вот сможет ли он точно уловить новый тренд революционного изменения политического поля, покажет время.

– *Вписаться или – повлиять на процесс? Вообще, кто-то способен сейчас повлиять на процесс?*

– Влияют, конечно, разные игроки – и Запад и Россия, и украинский олигархат и даже, по-прежнему, майданный актив. В разной степени, но влияют. Но у не слишком легитимного президента возможности влияния будут сильно ограничены, учитывая развал государственных институтов. Думаю, что его главная задача, не столько повлиять, сколько попытаться вписаться в тренды. Потому что включены уже очень мощные силы. Невероятно представить, что сегодняшние попытки некоторых, даже симпатичных мне людей из Партии регионов, вернуть авторитет этой партии и получить массовую поддержку, увенчаются успехом. Это кажется совершенно нереальным.

Это надо было делать намного раньше. Например, выступить противником новой коалиции, которая голосовала за новую власть. Но ПР этого вовремя не сделала и не вписалась в тренд. А раз вы проголосовали за эту власть, раз вы находились в это время в Верховной Раде, с этого момента вы несете такую же ответственность за то, что происходит в стране, как и ваши оппоненты. И именно с этого момента Регионы начали умирать как политическая сила.

– *Но ведь известны факты принуждения регионалов к голосованию, присутствию в этот момент в парламенте...*

– Я не верю, что их всех вынудили голосовать под угрозой насилия. Конечно, было бы некомфортно тогда идти против майдана, против сторонников временной власти, спокойнее

оказалось проголосовать. Но если бы не проголосовали, пошли принципиально против, вполне остались бы все живы – я так считаю. А так они стали инструментом прихода к власти этих временных людей. И ясно, что тем самым они освободили политическое пространство для Губарева и всех других лидеров народных протестов Юго-Востока.

Хотя совсем не факт, что именно Губарев и другие лидеры, которые там есть, станут основателями новой политической силы. Это может оказаться кто-то другой. Но в том, что она появится, у меня нет сомнений.

В принципе, если бы у нас в стране было бы вменяемое экспертное сообщество, общественность, они были бы заинтересованы в том, чтобы появилась нормальная пророссийская сила, которая говорила бы: а мы хотим остаться в Украине, хотим быть частью политического ландшафта этой страны, сдерживая вас от решительного антироссийского движения, но, в то же время, мы имеем свои представления о будущем и т. д. То есть борьба шла бы не на улицах городов и поселков, а на политическом поле.

Мне кажется, что отсутствие такой силы создает проблемы. И это связано с ожидаемым переломом – не получится плавного перехода, придется нам пройти через катаклизмы. Вместо диалога – война.

Хотя сейчас ни Порошенко, ни Турчинов, по разным причинам, но оба не заинтересованы в ведении диалога.

Турчинов понимает, что это – его «лебединая песня». И зачем ему и тем, кто рядом там есть у власти, зачем им оставлять Порошенко наполовину решенную проблему? Пусть он решает, а мы будем смотреть уже через неделю-две, как он с этим справится. Кроме того, американцы им говорят: давите! Может быть, сейчас не так настойчиво, как раньше, но говорили.

Порошенко по другой причине не заинтересован в переговорах. Он не случайно не пришел даже на имитацию круглого стола. Потому что пока происходит АТО, явка на Юго-Востоке низкая. А это – хорошие шансы Порошенко выиграть выборы уже в первом туре. На западе люди придут на выборы, в центре придут, а на востоке не придут. И тогда, если даже у него общий рейтинг в стране 30 %, он получит 60 % на выборах, и победит в первом туре. Ведь выборы, по новому закону, состоятся при любой явке избирателей.

Поэтому, если действительно обойдется без русского вторжения, а я надеюсь, что до этого не дойдет, то выборы состоятся и победитель, на следующий день после победы, остановит АТО и поедет на Восток и будет со всеми этими ребятами разговаривать. И разговаривать уже спокойно, составлять «дорожную карту» замирения, возможно, предложит им провести выборы руководства региона, а затем уже с легитимно избранными лидерами будет договариваться о формате взаимоотношений региона с Киевом. Разумеется – параллельно должен будет пройти процесс разоружения всех незаконных вооруженных формирований, включая, Национальную гвардию. И после этого поедет в Москву договариваться о кредитах. Это, конечно, если считаться с реальностью. В противном случае – век президентства Петра Порошенко будет недолог.

– Как человек, хорошо знающий предыдущий режим, скажите, а были ли у той власти шансы сохранить себя?

– Я бы сказал так. Вот время Кучмы закончилось – это было время, когда государство появилось как субъект управления. При Ющенко начало оно разваливаться. И при Януковиче продолжало разваливаться. Но при Ющенко была некая склейка, которая часть этого государства держала на идеологическом националистическом смысле, а при Януковиче и эта склейка исчезла, осталось только одно – интерес, то есть, бабки. На этом не может держаться государство. У государства должен быть идейный каркас.

Янукович на самом деле был обречен. Если бы не этот Майдан, проиграл бы выборы – кому угодно. Но зато сохранилась бы территориальная целостность государства.

Тут должно быть осознание собственной ответственности. Что говорят мои коллеги, и не только изначально антироссийски настроенные: если бы не Россия, ничего бы этого (в смысле – войны, МП) не было.

Но не Россия начала. Начался процесс по инициативе поляков, Сикорского, Бильдта и прибалтов, был создан проект «Восточное партнерство». Этот проект, очевидно, был ориентирован на включение Украины в сферу монопольного влияния Европы. Почему-то европейцы посчитали, что Россия будет это игнорировать. Это была ошибка европейцев, и она привела ко всей цепи последующих событий.

Главная ответственность, за то, что происходит, даже не на американцах, а именно на европейцах, которые поддались искушению послушаться поляков и прибалтов, Бильдта, Сикорского...

– *Они осознают это сами?*

– Я дважды выступал на европейских круглых столах. Большая часть присутствующих соглашается с тезисом, что это была ошибка, ее надо исправить. Я считаю, что есть надежда как бы купировать весь этот кризис именно в связи с тем, что европейцы поняли: Путин уперся. И что все санкции бесполезны, разрулить кризис можно лишь путем поиска компромиссного варианта. Передавить ни у Госдепа и пока подыгрывающего ему Брюсселя и Берлина, ни у России не получится!

Компромисс мне кажется очевидным. Регионы Юго-Востока, пока вроде только два, должны получить автономию. Примерно такую, какая была в Автономной республике Крым до внесения изменений, которые сделали ее бессмысленной: со своей Конституцией и договорными отношениями с Киевом. Для остальной Украины возможен унитарный вариант с широкими полномочиями регионов (как, скажем, у Каталонии в унитарной Испании). Да, немного рыхловатая конструкция, но так устроены некоторые страны, они так живут десятилетиями и столетиями.

Зачем Киеву нагружать себя дотациями в Донецкий регион? Надо дать им возможность самим зарабатывать. Пусть Донецк сам найдет способ, как выживать. Вместе с Россией, если они так хотят. Думаю, что вменяемая власть, которая хочет сохранить – хотя бы уже без Крыма – территориальную целостность, она должна это понять.

– *Вы сказали, что революция только запущена на Майдане. Вы считаете, что в результате революции пройдут серьезные изменения в политической жизни Украины? Как эти изменения повлияют на взаимоотношения с Европой?*

– Я просто уверен в этом. Это будет происходить параллельно с изменением правил на европейском политическом пространстве. Сейчас уже понятно, что старые правила разрушены – значит, будут как-то формироваться новые. И эти новые правила, так или иначе, будут включать какие-то приоритетные зоны влияния, пусть даже это и не будет так названо.

Не получится, чтобы вся Украина стала приоритетной зоной влияния России, и не получится, чтобы вся Украина стала приоритетной зоной влияния Европы. Поэтому надо найти компромиссный вариант, когда части Украины выбирают для себя приоритетные направления экономического сотрудничества.

– *В принципе, такой вариант должны искать Европа и Россия.*

– Да, Европа и Россия...

– *Скажите, а как вы оцениваете позицию России в связи с событиями на Юго-Востоке?*

– Я бы сказал, позиция России на 80 % вынужденная, она продиктована условиями, в которые Россию поставили.

Конечно, есть представления в обществе, у либералов, что Россия не должна претендовать на какие-то высокие статусы, она должна быть такой большой Словакией, ни во что не вмешиваться, пусть Украина будет сама по себе. Но это, как мне представляется, вступает в противоречие с самой сущностью российской идентичности. Россия существует либо как госу-

дарство с высокой имперской претензией, либо распадается и не существует вообще. Думаю, что это понимает Путин и большая часть политического класса России. Поэтому те условия, в которые ставили Россию на Украине европейцы, не только во время и после Майдана, но и до него, просто принуждали Россию к адекватным действиям.

Конечно, варианты реакции разрабатывались. Но я думаю, что если бы Россия занималась Украиной хотя бы на 10 % от того, что ей сейчас приходится делать, занималась бы раньше, то этого сейчас делать бы не пришлось. Здесь была бы влиятельная пророссийская политическая сила, которая удерживала бы какое-то равновесие в системе. А так – ее вообще нет.

Более 10 лет назад в разговоре с одним очень высоким российским руководителем я говорил: почему бы вам не посмотреть, как занимаются Украиной американцы, европейцы? Вы же ничего не делаете, никаких нет фондов, грантов, а у нас Западом сотни миллионов долларов вкладываются в «мягкую силу». На что мне было сказано: Михаил Борисович, это – ваши проблемы. А я ответил: не исключено, что через некоторое время это станет и вашими проблемами. Ну вот... Это тот самый случай, о котором говорят – «долго запрягают, да быстро ездят», «пока гром не грянет, мужик не перекрестится»...

– *А теперь приходится быстро ехать и на ходу креститься...*

– Да. Но такая позиция значимую часть украинского общества настраивала против России – чего не было бы в случае «мягкого влияния».

Особенно – молодежь, которая утрачена для России на 80 %.

Да что там! Какая-то маленькая и невлиятельная организация, которая многие годы по слухам брала деньги у Коломойского и работала с украинскими фанатами, создала из этих фанатов праворадикальную политическую антироссийскую массовку, состоящую из десятков тысяч людей, которые известно, что кричат на стадионах. Причем, в большинстве – по-русски кричат.

– *Есть ли опасность, что в новой политической системе, которая сейчас формируется, инициативу перехватят не новые политические лидеры, а те самые олигархи? Ведь было видно, как Коломойский перехватывает инициативу, берет под контроль не только людей, которые хорошо работают с финансами, но и тех, кто занимаются проектами, скажем так, псевдо-идеологическими. Если, например, будет создана конфедерация с Новороссией, не получится ли так, что олигархи сумеют взять инициативу и там?*

– Неблагодарное дело давать в такой сложной ситуации прогнозы, потому что научный прогноз обычно можно делать тогда, когда ситуация плавно меняется. Сейчас ситуация меняется радикально. И в таком случае может быть, что угодно, может быть даже и такой вариант, о котором вы говорите. Но о нем говорят и противники Новороссии и России: мол, децентрализация приведет к тому, что править там будут олигархи и местные князьки. Я считаю, что это не исключено, но маловероятно.

И внешние факторы могли бы сыграть позитивную роль в становлении нормальных структур, нормального политического поля. Конечно, огромный ресурс влияния на Новороссию есть у России. И если там скажут: сделаем ставку на Коломойского с Ахметовым, пусть они там все поделают, а нам легче с ними будет договариваться, то я не понимаю, зачем это нужно.

Даже сегодня, когда проводят соцопросы, выясняется, что большинство населения Украины хорошо относятся к России – даже сегодня!

Поэтому Россия должна быть заинтересована в том, чтобы здесь была демократическая система, которая бы себя выражала, а не криминально-олигархическая.

Так что я не думаю, что в Новороссии ситуация будет развиваться по этому пути – олигархически-криминальному. Тем более есть влияние молодого поколения – в жизнь входят люди, которые ценят возможность самовыражения, для которых нетерпима ситуация, когда

закрыты все пути и все надо решать через смотрящих и т. п. Они начнут как-то влиять на политическое поле.

– *Но пустят ли молодежь во власть? Вы не хуже нас знаете уровень политической коррупции в стране...*

– Мне кажется, что то, что сейчас происходит – не только революция, запущенная Майданом, но и «Русская весна» на юго-востоке – это прививка против пройденных форматов жизни. И есть шанс, что и на Востоке не будут терпеть этой напасти. Молодежь точно не будет терпеть.

– *Вы считаете, что Майдан и «Русская весна» – это явления одного порядка?*

– Нет, это разные явления, и их надо отдельно изучать. Но есть у них общее – это большое количество людей, включенных в политический процесс. Там и там. Вот этот референдум... Неважно, сколько там людей пришло, но миллион пришел точно, даже по данным Турчинова. Миллион – это большое число. Это не меньше, чем пришло на Майдан за все время.

Майдан был продиктован идеями и был против власти Януковича, референдум – неприятием нового порядка, новой власти. Это был референдум не за отделение, даже не за автономию, это был вотум недоверия киевской власти. Поэтому пока еще есть шанс после смены власти с ними разговаривать – обратившись, может быть, даже через головы полевых командиров, которым уже кажется, что они взяли Бога за бороду и будут править новой страной. Обратиться к людям, предложив им какие-то нормальные форматы отношений. Только не надо никого снова душить – предложенный властью вариант децентрализации – типичная манипуляция словами, не предполагающая даже минимальной передачи полномочий из Киева – регионам. Вся эта болтовня о «передачи власти на нижний уровень – общинам» – ничто иное, как способ сохранить всю власть в Киеве, прикрываясь пустыми словами о «децентрализации».

Есть еще одна очень тяжелая история, связанная с реакцией общества, элит, СМИ на одесские события. Думаю, если Украина как государство хочет выжить, в обществе должен пройти процесс оздоровления, что-то сродни денацификации в поствоенной Германии. Общество просто обязано вынести приговор своей элите. Публичный и открытый приговор. Когда будут приведены все слова, которые сказали эти люди по поводу страшных событий в Одессе и не только. Если этого не произойдет, сохранить страну будет невероятно сложно.

– *Есть шанс, что это государство приобретет некую субъектность? Все, о чем мы говорили сегодня, создает ощущение объектности...*

– Субъектность появляется тогда, когда у государства есть идеологический каркас. Я уже выше об этом говорил. То, что произошло – это результат отсутствия этого каркаса. При Кучме была попытка выстроить каркас балансов, до конца этот проект не был завершен. Когда пришел Ющенко, была попытка выстроить односторонний идеологический каркас. При Януковиче – полное отсутствие какого-либо идеологического каркаса, что привело в острый момент к такому расколу, какой мы сегодня видим, когда одна часть общества стала непримирима к другой и смотрит на нее сквозь прицел автомата.

Я считаю, что Украина в нынешних границах вполне может существовать, но для этого нужен такой примирительный идеологический каркас, который должен быть построен на приоритете прав людей, на европейских ценностях, на уважении интересов безопасности как Европы, так и России, с использованием максимума взаимодействия в ту и другую сторону.

Нет особых проблем такой каркас выстроить, но для этого должно быть признание украинской стороной того факта, что мы – двухсоставная украинская нация, что все достойны равного уважения. А не так, как откровенно Ярош говорит (за что ему – отдельное спасибо!): мы не против жидов и москалей, просто они должны признать, что мы главные, мы определяем жизнь этой страны, мы формируем правила и если вы это принимаете – пожалуйста, никто вас трогать не будет, даже будем вас защищать.

Такой однополярный политический мир в нашей стране невозможен. Это фактически призыв к войне.

А надо сказать, что остальная часть элиты этого прямо не говорит, но она действует именно так, как прямо говорит Ярош. Они говорят: есть государство, сформированное украинской этнической нацией, есть один государственный язык – украинский, и т. д. Я понимаю, что нужно уважать их чувства – и считаю, что вполне можно обойтись региональным статусом для русского языка, и не надо второго государственного. Но нельзя, чтобы общество не реагировало на крайне националистические выпады, которые делает, например, депутат Верховной Рады Фарион. Она, конечно, может говорить, что хочет, но государство и общество должны выражать свое отношение к этому, как к чему-то маргинальному.

Но Майдан задал это как часть мейнстрима – что у нас один враг, Россия, что мы должны утвердиться как национальное государство, это национальная революция и т. д. Но так страну нельзя сохранить.

А чтобы сохранить страну, надо выстроить сбалансированный идеологический каркас, новый, учитывающий двухполюсную реальность. Еще есть шанс, очень хотелось бы его не потерять.

Мир еще возможен (интервью М. Погребинского «Российской газете», 05.06.14)

– Мы ждали перемен, многие ради них вышли на Майдан. Логичным завершением протеста по логике вещей должны были стать выборы главы государства. И вот свершилось – что далее?

Михаил Погребинский: – Ожидания в связи с президентскими выборами действительно были. Надежды связывали с тем, что будет избран президент, и он первым делом остановит войну. Для этого достаточно было просто потребовать от руководителей так называемой «анти-террористической операции» прекратить военные действия, объявить о перемирии и начать поиск каких-то компромиссных решений. Для этого потребовалось бы найти новые переговорные площадки, круглые столы под чутким руководством Л.Кравчука себя полностью дискредитировали. Но, увы, ничего этого пока не произошло. И конечно, какая-то часть людей, которые голосовали за Петра Порошенко, уже сейчас разочарована и огорчена.

С другой стороны, часть общества была настроена на то, что придет эффективный менеджер, который покончит с сепаратистами жесткими методами. Такие люди тоже есть. Как ни странно, их много среди так называемой образованной части общества (А.Солженицын называл таких людей «образованщина»), журналистов, блоггеров, политиков и общественных деятелей. Я догадываюсь об их мотивах, но не об этом речь. Как мне кажется, бесчеловечно и цинично, когда сообщения о жертвах в одесском Доме профсоюзов или в донбасских городах воспринимались ими с ликованием, мол «так им и надо, колорадам». Оказывается, что так торжествовать могут публично в прямом эфире люди, которые считают себя образованными, приличными, и которые исповедуют европейские ценности.

– А как вам результат на выборах Олега Ляшко?

Михаил Погребинский: – Это лишь подтверждает версию о том, что общество не здорово. Третий результат Ляшко, который откровенно вел политику клоунады с примесью садизма, изумляет. Подноготная этого политика хорошо известна, и его человеческую историю, и его неразборчивость в средствах. Тем не менее, за него проголосовали сотни тысяч людей. К сожалению, с этим нельзя не считаться.

– Бытует мнение, что избранный президент не хочет брать ответственность за «антитеррористическую операцию» до инаугурации...

Михаил Погребинский: – Это логично. Ему не нужны аплодисменты по поводу полетов боевых машин над городами востока. И вообще, что значит летать? Если вы не стреляете – то нечего и летать. Вы летаете (и.о. министра обороны сказал «летаем и будем летать»), наводите ужас на мирное население и пусть изредка, стреляете и, опять таки – изредка, но попадаете в больницы, детские дома, просто жилой сектор. И слава Богу, что пока десятки, а не сотни жертв среди мирного населения. Я не хочу сказать, что все без исключения, кто противостоят сейчас украинской армии, национальной гвардии, частным армиям украинских олигархов, – нравственно безукоризненные люди. Известно, что на той территории есть масса случаев грабежей, похищения людей, мародерства. И прежде всего потому, что на той территории нет государства. Назвать Донецкую или Луганскую республики государственными образованиями пока сложно. И все же, то, что сотни, а может и тысячи патриотов Донбасса вышли на защиту своей земли – бесспорно, что бы ни говорили и как бы их не называли украинские журналисты на всех каналах украинского ТВ. Если уж искать какие-то номинации, то, почему бы, по аналогии с Украинской повстанческой армией (УПА), не назвать инсургентов Донбасса – ДПА. Может тогда ребятам из Ивано-Франковска и Тернополя будет легче найти с ними общий язык.

– А есть будущее у этих республик?

Михаил Погребинский: – Никто не может сейчас дать определенный ответ на этот вопрос. В том числе и сами руководители этих республик, и Путин и Обама с Меркель. Это все зависит от множества обстоятельств. Если говорить о желаемом и наименее конфликтном варианте, то мне представляется, что таковым является договоренность Киева и представителей этих республик о предоставлении им автономного статуса в составе Украины. Это бы сняло болезненный вопрос территориального единства страны. Думаю, где-то в этих рамках нужно искать приемлемый для всех сторон выход.

Я хочу подчеркнуть, что прецеденты высокого автономного статуса даже в унитарном государстве существуют. Я чаще всего привожу пример Каталонии или Страны Басков в составе унитарной Испании. У этих образований порой больше полномочий, чем у земель в федеративной Германии. Прежде всего, конечно, в гуманитарной сфере, но также и в плане выбора приоритетных направлений экономического сотрудничества.

Все прочие варианты решения проблемы Донбасса, на мой взгляд, чрезвычайно конфликтны и не имеют устойчивой перспективы.

– Вы полагаете, что такие переговоры возможны с руководством провозглашенных республик?

Михаил Погребинский: – Скажем так: легитимность этих образований сомнительна. Но создавшаяся ситуация вынуждает принимать нестандартные решения. В Киеве утверждают: мы не можем говорить с террористами. Сама эта установка неправильная. И ярлыки ни к чему. Надо разговаривать с теми, кто реально контролирует ситуацию. Возможно, после перемирия можно было бы провести выборы лидеров этих регионов, чтобы легитимировать их представительство. Но сначала нужно остановить войну.

– До выборов говорили, что у Порошенко есть только один шанс: на второй день отправиться в Донецк.

Михаил Погребинский: – Он же сказал, что первым делом поедет в Донецк. Но реально понятно, что сейчас он сделать этого никак не может. Он мог бы поехать, если бы объявил перемирие и стал бы разговаривать, в том числе с теми людьми, которые возглавляют эти непризнанные республики. Я говорю «в том числе» потому, что без их участия, конечно, переговоры – бессмысленны. Перед выборами Порошенко говорил о том, что надо бы организовать на Донбассе выборы лидеров. И потом вести с ними переговоры. Это непросто. Поэтому для начала надо было бы вести переговоры с лидерами повстанцев и одновременно с легальными представителями регионов в лице руководителей местных советов. Их позиция мало чем отличается от взглядов лидеров непризнанных республик, возможно, несколько менее радикальная.

– Михаил Борисович, давайте вернемся к истокам конфликта. Поводом майдана стал отказ от ассоциации, но причины ведь в другом...

Михаил Погребинский: – Да, это был повод, но я бы сказал, что не будь недовольства значительной части общества властью, а также не будь внешней поддержки протеста, то, наверное, до таких ситуаций дело бы не дошло. Уверен, если бы конфликт не подогревался извне, не приобрел характер конфликта Запада с Россией, противостояние не вышло бы за рамки нескольких митингов, да и Крым остался бы в составе Украины.

Когда включился фактор геополитической конкуренции за Украину между Россией и Западом, то катастрофу избежать было уже невероятно сложно. Фигуры на шахматной доске были расставлены, первый ход сделан и часы запущены. Каждый следующий шаг был вынужденным. Я это прогнозировал, еще до того, как власть оказалась в руках нынешней команды. Майдан изначально носил антироссийские смыслы. Он оказался проходной пешкой в руках западных, прежде всего американских политиков. С этим некоторые пытаются спорить, но я в этом совершенно не сомневаюсь. Цели для участников майдана были названы очень привлекательными: люди хотят в Европу, у них есть мечта, а действия России мешают им ее реализовать. На эту сентенцию была наложена более жесткая, галицкая идея: Россия – это извечный враг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.